

УДК 811.511.132'366.54

Г.А. Некрасова

**КОНКУРЕНЦИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
В СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЗОНЕ ЭГРЕССИВА В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ЯЗЫКЕ***

Статья посвящена актуальной для современного языкознания проблеме конкуренции грамматических единиц. Рассматривается варьирование падежных и послеложных единиц с эггессивом, что до сих пор не становилось объектом исследования. На примере одной падежной единицы показано, что в коми-пермяцком языке конкуренция грамматических средств является весьма активным процессом. Одна и та же единица может конкурировать с несколькими грамматическими единицами. Установлено, что эггессив может конкурировать с пространственными и объектными падежами, а также с послелогом. Конкурирующие единицы различаются частотными характеристиками: одна из них более предпочтительна, другая менее употребительна. В большинстве случаев они находятся в отношениях свободного варьирования, на их выбор могут влиять лексико-грамматические свойства глагола и его актантов, различное осмысление говорящим ситуации.

Ключевые слова: эггессив, падеж, конкуренция грамматических форм, морфология, коми-пермяцкий язык.

Пермские языки имеют развитую падежную систему, основную часть которой составляют местные падежи, унаследованные от прапермского языка. В число таких падежей входит и эггессив, однако современная структура (количественный состав, качество фонем) его суффикса (к. *-сянь*, удм. *-ысен*) допускает возможность различного истолкования времени возникновения и этимологии суффикса. Одни лингвисты полагают, что современные суффиксы эггессива восходят к единой праформе, представляющей собой сложный суффикс, сформировавшийся на основе суффикса элатива. В качестве источника второго компонента падежного маркера рассматривались: 1) эмфатическая частица [19. С. 385], 2) суффикс инструментала [17. С. 26]; 3) лативный суффикс **-n'* [10. С. 149; 18. С. 89; 22. С. 382]. Согласно другой точке зрения, суффиксы эггессива коми и удмуртского языков имеют разное происхождение. Первый компонент обоих суффиксов возводится к суффиксу элатива, источником второго в суффиксе *-сянь* усматривается лативный суффикс **-n'*, в суффиксе *-ысен* – суффикс инессива, восходящий к локативному суффиксу **-na/*-nä* [3. С. 151; 4. С. 93; 6. С. 95; 21. С. 383]. Ш. Чуч отмечает, что такая этимология суффиксов эггессива фонетически безупречна, и, кроме того, отвечает на вопрос, почему удмуртский суффикс имеет структуру VCVC. Сомнения вызывают два момента: роль инессивного суффикса, а также семантическое сходство суффиксов *-сянь* и *-ысен* [20. С. 192-193]. Нет единого мнения и в отношении хронологии развития эггессивных суффиксов. Исследователи, возводящие современные суффиксы эггессива к единому источнику, относят развитие обоих суффиксов к прапермскому периоду, объясняя появление велярного согласного в суффиксе удмуртского эггессива депалатализацией конечного *n'*. Сторонники второй точки зрения предполагают, что эггессивные суффиксы пермских языков возникли в хронологически разный период: суффикс *-сянь* – в прапермский период; суффикс *-ысен* – в период самостоятельного развития удмуртского языка.

Несмотря на то, что эггессив с суффиксом *-сянь* имеет прапермское происхождение, его семантика в родственных языках различается, наиболее развита она в коми-пермяцком языке. Известно, что семантическая структура падежа может меняться в процессе развития языка, она может расширяться, развивая новые значения, или сужаться, утрачивая некоторые из значений (подробнее см. в [7]). Такие изменения могут привести к появлению сходных семантико-синтаксических функций у разных падежей, а далее к развитию варьирования падежных единиц между собой, а также с послеложными единицами.

В работе рассматриваются конкурирующие с эггессивом языковые единицы, описаны типичные контексты, допускающие конкуренцию грамматических средств. Для выявления конкурирующих с эггессивом единиц создавались выборки контекстов, характеризующихся семантической общностью, что позволило определить их встречаемость в языке. Исследование проводится на материале, извлеченном из художественных и фольклорных текстов.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке программы Уральского отделения РАН «Социально-экономические и гуманитарные проблемы развития общества» по проекту «Духовная культура и традиционные представления народов Европейского севера России (по данным языка, фольклора и литературы)» (№ 18-6-6-25).

В современном коми-пермяцком языке эгрессив проявляет вариативные отношения с некоторыми пространственными и объектными падежами, а также с послелогом.

1. **Конкуренция между эгрессивом и элативом** наблюдается при выражении пространственного значения, а также значения стимула эмоций.

1.1. Эгрессив относится к падежам, выражающим исходный пункт движения, в качестве которого может выступать одушевленный и неодушевленный пространственный ориентир. Параллельное употребление элатива и эгрессива в коми-пермяцком языке наблюдается при глаголах, указывающих на движение из пределов неодушевленного ориентира, например, *вӧрись* (элатив) / *вӧрсянь* (эгрессив) *петны* 'выйти из леса', *комьсь* (элатив) / *комсянь* (эгрессив) *мыччисьны* 'показаться из кухни'. Примеры: *Сёр рытӧн мийӧ петавӧм вӧрись мыдзӧмӧсь и тишьгӧсь* [1] 'Поздно вечером мы выходили из леса уставшие и голодные'; *Митрейыс вӧрсянь петис пишалӧн* [14. С. 55] 'Митерей вышел из леса с ружьем'; *Сэтӧн комсяньяс мыччисис Гаврил дядьыслӧн нылыс* [14. С. 215] 'Тогда с кухни показалась дочь дяди Гавриила'; *Комись мыччисис Анастасия Степановна, нейджыт мыгӧра, ён да боёк инька* [1] 'Из кухни показалась Анастасия Степановна, небольшого роста, крепкая и бойкая женщина'.

Е.С. Гуляев, объясняя сходное употребление падежей в коми-зырянском языке, отмечал, что эгрессив, в отличие от элатива, указывает на большую близость действия во времени и большую очевидность действия [3. С. 147]. В целях актуализации очевидности действия во времени в конструкции с эгрессивом могут вводиться адвербиальные единицы, указывающие на темпоральную смежность (*вильӧн* 'только что', *веськыта* 'прямо'), а также фазисные глаголы (*заводитны* 'начать'). Следует отметить также, что употребление элатива и эгрессива может быть связано с различным осмыслением ситуации. При использовании элатива внимание акцентируется на направленность движения из пределов ориентира, тогда как при использовании эгрессива описываемая ситуация связана с вовлечением в пространственную конфигурацию не внутренней части ориентира, а ориентира в целом. Предмет, выступающий в качестве ориентира, является отправной точкой движения, например, *Митиперыс рытнас петис заводсянь и веськыта иньдӧтчис Германнэзлань* [14. С. 223] 'Вечером Митипер вышел с завода и направился прямо в сторону дома Германа'.

1.2. Эмотивные глаголы в коми-пермяцком языке имеют различную модель управления: каноническую, в этом случае актанта глагола получает аккузативное оформление, и неканоническую, в этом случае актанта оформляется другими грамматическими средствами. Эгрессив параллельно с элативом спорадически употребляется при глаголах *повны* 'бояться', *повзыны* 'испугаться'. Примеры: *Му бердӧт литовкаэзӧн ӧвтышталӧмсянь ня эз полӧ* [13. С. 225] 'Они [телята] не пугались косьбы косой'; *Зэв сибдӧтчӧмись да кизӧн ӧвтыштӧмись куканьнез эз полӧ* [13. С. 95] 'Телята не боялись приближения [людей] и взмахов их рук'.

В современном коми-пермяцком языке, согласно нашей выборке примеров, эгрессив используется в случае, когда глагол 'бояться' принимает в качестве объекта обозначение ситуации, т.е. эгрессивом оформляется отглагольное существительное, обозначающее действие. В таких семантических условиях предпочтительной формой является элатив, ср. в [13] существительное, обозначающее действие, оформлено семь раз в элативе и один раз в эгрессиве.

В языке XIX – начала XX вв. употребление эгрессива было более частотно, показатель эгрессива допускали как неодушевленные, так и одушевленные существительные. Вторым участником ситуации мог вводиться при помощи элатива и эгрессива в одинаковых семантических условиях, свободное варьирование падежных форм наблюдается в корпусе одного и того же текста. Примеры: <...> *быд-пӧра полӧ горш-каись, горш-звирись и морт'ись* [16. С. 29] '<...> каждый раз он боится жадной птицы, жадного зверя и человека'; <...> *н'я полӧны ӧта-мӧдсянь, полӧны и мортсянь* [16. С. 26] '<...> они боятся друг друга, боятся и человека'. В первом примере в оформлении актанта глагола использован показатель элатива (*горш-каись, горш-звирись и морт'ись*), во втором примере – показатель эгрессива (*ӧта-мӧдсянь, мортсянь*).

Судя по нашей выборке примеров, в современном коми-пермяцком языке отмечается вытеснение эгрессива на периферию. Следует отметить, что в диалектах актанта глаголов *повны* 'бояться', *повзыны* 'испугаться' может иметь различное оформление. В северных диалектах он может принимать суффиксы элатива, эгрессива и аблатива, предпочтительной является элативная форма. В южных диалектах наблюдается тенденция расщепленного кодирования актанта, обусловленное одушевленностью / неодушевленностью: с одушевленным объектом предпочтителен аблатив, с неодушевленным – элатив [2. С. 152; 9. С. 814]. Диалектные особенности глагольного управления нашли отраже-

ние в художественных текстах. Примеры: *Кайокыс оз пов зонкаокыслісь* [1] ‘Птичка не боится мальчика’; *Зэррезісь пола, вот мыйись* [1] ‘Дождей боюсь, вот чего’. В первом примере одушевленное существительное оформлено показателем аблатива, во втором примере неодушевленное существительное маркировано суффиксом элатива.

2. **Конкуренция между эгрессивом, элативом и послелогоми шогья** ‘от, из-за’, *дынсянь, дынісь* ‘от’. В коми-пермяцком языке при глаголах *дорйыны* ‘защищать’, *мезмыны* ‘освободиться, избавиться’, *сайласьны* ‘прятаться, избегать’, *дзесисьны* ‘(с)прятаться, скрываться, скрыться’, *дзены, сайдвтыны* ‘(с)прятать, скрывать’ эгрессив указывает на факультативного участника, присутствие которого в ситуации нежелательно, а также на ситуацию, которая нежелательна для участника ситуации. При отмеченных глаголах в отношениях варьирования с эгрессивом находятся элатив и послелог *шогья* и *дынсянь, дынісь* ‘от’.

Примеры с элативом: *Куимоттес талун жё бы мездотчисё виль властьсис* [15. С. 66] ‘Третья часть жителей сегодня же бы отреклась от новой власти’; *Ме тай кайтиянсё Умольсис мезді* [12] ‘Я ведь освободил птенцов от Лешего’; *Дзесисис миянісь* [14. С. 143] ‘Спрятался от нас’; *Мунасё [кочпияннэз] юасьны, паныталасё кодзылос: – Кодзйив-кодзылнйой, мезды миянös бедасись* [12] ‘Отправились [зайчата] за помощью, встретили муравья: – Муравей-муравьишка, избавь нас от беды’.

Примеры с эгрессивом: – *Тэ мездін менё лёк волшебниксянь, но эта эшö не быдöс* [12] ‘Ты избавил меня от злого волшебника, но это еще не все’; *Быдкодь бедасянь мездывлöма отирсё Перабогатырь* [12] ‘От всякой беды Перабогатырь избавлял народ’, *Быдөннысянь вöрас дзесисямö* [1] ‘От всех прячусь в лесу’; <...> *юрсö не зэрсянь, не лымясь, не шондисянь, не лёк төвсьянь абу сайдвтылöма* [12] ‘<...> голову не прятал ни от дождя, ни от снега, ни от солнца, ни от сильного ветра’.

Примеры с послелогом *шогья* ‘от’: *Нія [таррез] <...> дзесисьбмась хищниккез шогья* [1] ‘Они [тетерева] <...> спрятались от хищников’; *Киас нем этшйöмыс эз шед – не шать, не бедь, медбы дорйисьны поннес шогья* [15. С. 89] ‘В руки ничего такого не попало – ни прут, ни палка, чтобы защититься от собаки’; – *Ладно, – окотатöг, мед дзир мездисьны нывкаыс шогья шыасис председатель* [13. С. 185] ‘–Ладно, – неохотно отозвался председатель, чтобы только отвязаться от девушки’.

Примеры с послелогом *дынсянь, дынісь* ‘от’: *Бытьтö пö дзесисьбма отирыс дынсянь этшйöм местаö, кытöн морт оз овлы* [1] ‘Вроде, говорят, спрятался он от людей в таком месте, куда не вступала нога человека’; *Но мыля сія пышишалö отир дынісь* [1] ‘Но почему он прячется от людей’; *Одва мездотчас сы дынісь и сэж жё төдись дынö мунас* [12] ‘Еле оторвалась [она] от него и сразу же к колдуну направилась’.

Употребление элатива и эгрессива при выражении значения нежелательного участника ситуации и нежелательной ситуации демонстрирует неясное распределение. В рассмотренных текстах обнаруживаются различные предпочтения в употреблении грамматических средств: в художественных текстах [1; 5] предпочтительно использование эгрессива и послелогов *дынсянь, дынісь* ‘от’, тогда как употребление элатива предпочтительно в текстах [13; 14; 15]. Создается впечатление, что в текстах нашли отражение диалектные особенности употребления грамматических форм.

3. **Конкуренция между эгрессивом, элативом и инструменталем.** Вариативное употребление форм инструментала, элатива и эгрессива наблюдается при глаголах со значением ‘стрелять’. Использование инструментала в данном случае вполне ожидаемо: являясь основным средством выражения инструментального значения, он не имеет лексических ограничений, допускается всеми существительными, относящимися к классу орудие, в том числе и оружие. Примеры: *Иван Царевич лыяс змейыслö нбдöн да писькötас сылсис синнэсö* [12] ‘Иван Царевич выстрелит в змею из лука и выбьет ей глаз’; *Велаліс ачыс пулемётн лыйсьыны* [1] ‘Сам научился стрелять из пулемета’.

Между тем в форме элатива и эгрессива могут быть только существительные, обозначающие оружие, воздействующее на объект с помощью средства, которое направлено из внутренней части оружия. Примеры: *Педот Тима пö сылö сидзöма пулемётсянь* [1] ‘Федот Тима, мол, попал в него из пулемета’; *Да эшö велöта пулемётись лыйсьыны* [1] ‘Да еще научу из пулемета стрелять’. В выборке таких примеров из текстов [1; 5; 13; 14; 15] доминируют элативные формы: из 40 случаев употребления в 27 именная группа оформлена элативом, в 10 – инструменталем, в трех – эгрессивом.

В коми-пермяцком языке проявляется некоторая связь вариативности управления и лексического значения глагола. Инструментальное оформление именной группы глагол ‘стрелять’ предпочитает при реализации значения «уметь пользоваться огнестрельным оружием», а также в сочетании с глаголом потенциальной каузации (‘научить’), с фазовым (‘начинать’, ‘заканчивать’) и модальным глаголами. При выражении ситуации ‘охотиться с ружьем’ всегда используется инструменталь, тогда как при од-

новременной реализации словоформ со значением инструмента и средства инструменталь не допускается. Примеры: *Верма и тэно велотны наганнас лыйсьыныт* [1] 'Могу тебя научить стрелять из нагана'; *А пулемётнас тэ кужан лыйсьыныт?* [1] 'А ты умеешь стрелять из пулемета?'; *Медодзза лым кузя Матвейка виль пишалён мунис вөрө* [1] 'По первому снегу Матвейка пошел в лес с новым ружьем'.

В случае, когда глагол 'стрелять' выражает ситуацию 'производить выстрелы', 'убивать из огнестрельного оружия', предпочтительной формой оказывается элатив, например, *Вот сця и кыкись гымгёма пишалёсис пуляэён* [1] 'Вот он и выстрелил дважды из ружья пулями'. Параллельно с элативом в таких же условиях употребляется эгрессив. В выборке примеров эгрессив зафиксирован только с лексемой *пулемёт*, но, судя по опросу носителей коми-пермяцкого языка, его употребление возможно и с другими лексемами класса. Появление элатива и эгрессива в рассматриваемом контексте объясняется калькированием соответствующих русских конструкций. Следует отметить, что элативное оформление актанта при глаголе 'стрелять' отмечается также в других контактирующих с русским языках, например, в мордовском, водском, вепском, мансийском [8. С. 87].

4. Конкуренция между эгрессивом, дативом, элативом. В коми-пермяцких диалектах значение причины может передаваться формами эгрессива, датива, элатива, а также послелогоми *шогья, увья* 'из-за'.

Основным падежным средством выражения этого значения является эгрессив, он не имеет лексических ограничений на сочетаемость, допускается всеми существительными. Причиной может быть ситуация, состояние, одушевленный/неодушевленный объект. Примеры: *Ярашко бура мыдзис лунся котрасьёмсянь да кузь думасянь* [11. С. 203] 'Ярашко сильно устал от дневных забот и долгих размышлений'; *Вөлі сэк няньтём год – тиыгсяняс отырыс куліс, тупу качсянь и туруннэзянь дундис да пыктис* [11. С. 199] 'Тогда был неурожайный год – народ умирал от голода, от осинового коры и травы вздувался и опухал [живот]'; *Да месянь эшө Антипкаыс вылө лөгасис* [1] 'Да из-за меня еще на Антипку он рассердился'.

Датив и элатив в значении причины факультативны. В рассмотренных нами текстах обнаружены единичные употребления датива, например, *Но кык ведрасис ваыс эта билө немымда эз төдчы* [1] 'Но вода в двух ведрах из-за такого освещения совсем не видна'.

Элатив в значении причины зафиксирован в окраинных северно-пермяцких говорах (гаинском, исаевском, мысовско-лупьинском), в верхнекамском наречии. Примеры: гаин. *Ся аймамсис понас горзыны* 'Он из-за родителей будет плакать'; ис. *Мед оз и бызгы картолсис* 'И пусть не ворчит из-за картошки'; мыс. *Полёмись көинись пола* 'От страха (боязни) боюсь волков'; в.-л. *Полёмись эг мун.* 'Из-за боязни я не ушел' [2. С. 151-152].

В рассмотренных нами фольклорных и художественных текстах элатив в значении причины обнаружить не удалось. В ранних письменных источниках, написанных на северном наречии, он употребляется параллельно с эгрессивом. Примеры: *Уна нысь кулёны сэк чыгись и көзыт'ись.* [16. С. 33] 'Многие из них погибли тогда от голода и холода'; <...> *с'я дёс понд'ис дрёжжитны лөгсянь* [16. С. 75] '<...> он весь начал дрожать от злости'. В первом предложении для выражения причины использован элатив, во втором предложении – эгрессив.

Рассмотрение конкуренции грамматических средств показало, что в конкуренцию с эгрессивом активно вовлечен элатив. Эгрессив параллельно с элативом употребляется при выражении значений исходного пункта движения, стимула эмоций, инструмента, нежелательного участника ситуации и нежелательной ситуации, причины. В современном коми-пермяцком языке эгрессив является слабо конкурирующим при выражении значений стимула эмоций и инструмента, тогда как при выражении причины он является предпочтительным средством; слабо конкурирующими с эгрессивом являются датив и элатив. При выражении значений нежелательного участника ситуации и нежелательной ситуации, а также значения стимула эмоций (при глаголах 'бояться', 'испугаться') в литературном языке отражаются диалектные особенности употребления падежей. В одинаковых контекстных условиях эгрессив и конкурирующая единица находятся в большинстве случаев в отношениях свободного варьирования, на их выбор может влиять лексико-грамматические свойства глагола и его актантов, различное осмысление говорящим ситуации. Процесс варьирования грамматических средств вызван сочетанием внутренних и внешних факторов языкового развития.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Языки: к. – коми, удм. – удмуртский.

Коми-пермяцкие говоры: в.-л. – верх-лупьинский, гаин. – гаинский, ис. – исаевский, мыс. – мысовский.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баталов В. Öktöm проза. URL: www.Fulib.ru.
2. Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 253 с.
3. Гуляев Е.С. Происхождение падежей с элементом *сь* в коми языке // Историко-филологический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. Вып. 5. С. 131-160.
4. Кондратьева Н.В. Формирование падежной системы в удмуртском языке. Ижевск: Удм. ун-т, 2011. 154 с.
5. Можяев С. Комиён гижом. URL: <http://www.Fulib.ru>.
6. Некрасова Г.А. Вежлӧг перым кыввъясын: пертас, вежӧртас, артманног. Велӧдчан небӧг. Сыктывкар: Сыкт-ГУ, 2004. 118 с.
7. Некрасова Г.А. Основные линии развития семантической структуры падежей в пермских языках // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских языков. Материалы III Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Сыктывкар, 2005. С. 157-160.
8. Некрасова Г.А. Средства выражения инструмента в финно-угорских языках // Известия Коми научного центра УрО РАН, 2011. № 4 (8). С. 85-88.
9. Некрасова Г.А., Сергеева Е.Н. Вариативность аргументной структуры двухместных предикатов в коми-пермяцком языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. X, Ч. 1. СПб.: Наука, 2014. С. 810-820.
10. Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки / Ред. кол.: В.И. Лыткин, К.Е. Майтинская, К. Редей, Я. Гуя, А.П.Феоктистов, Г.И.Ермушкин. М.: Наука, 1976. 464 с.
11. Пармалӧн шыӧз. Проза на коми-пермяцком языке. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1997 / Сост. Т.П. Фадеев, Л.П.Ратегова. 456 с.
12. Перем коми отирлӧн висътасьӧм. URL: www.Fulib.ru
13. Фадеев Т. Ыбшар: роман. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1989. 350 с.
14. Федосеев С. Кусӧм бизз. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1991. 304 с.
15. Федосеев С. Съӧд цветтез. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1994. 328 с.
16. Щапов П.В. Вторая книга для чтения и практических упражнений на пермяцком языке. Казань: Центральная типография, 1909. 78 с.
17. Aminoff T.G. Votjakin ääne- ja muoto-opin luonnos // JSFOu 2 (XIV). Helsinki, 1896. P. 1-48.
18. Bartens R. Permilaisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 2000. 372 s.
19. Budenz J. Az ugor nyelvek összehasonlító alaktana. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1884-1894. 381 o.
20. Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 410 S.
21. Rédei K. Geschichte der permischen Sprachen // The Uralic Languages: Description, history and foreign influences / Edited by Denis Sinor. Leiden/ New York. København. Köln. 1988. S. 351-394.
22. Vászolyi E. Az uráli N' latívuszrag nyomai a zürjén és a votják nyelvben // NyK 70. Budapest, 1968. O. 374-382.

Поступила в редакцию 11.01.2018

Некрасова Галина Александровна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, доцент
Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН
167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26
E-mail: kamilang@gmail.com

G.A. Nekrasova

**COMPETITION OF GRAMMAR MEANS IN THE SEMANTIC ZONE OF THE EGRESSIVE CASE
IN THE KOMI-PERMIAN LANGUAGE**

The paper deals with a topical for modern linguistics problem of competition between grammatical units. The variation of case and postpositional units with egressive that has still not been the object of study is considered. On the example of one case unit it is shown that in the Komi-Permian language the competition of grammar means is a very active process. One and the same unit may compete with several grammatical units. It is established that egressive can compete with spatial and object nouns, and postpositions. Competing units have different frequency characteristics, one of them is more preferable, another less common. In most cases, they are in a relationship of free variation, their choice can be affected by the lexical-grammatical properties of the verb and its actants, different understanding of the situation by a speaker.

Keywords: egressive, case, competition of grammatical forms, morphology, Komi-Permian language.

REFERENCES

1. Batalov V. Öktöm proza [Collected works. Prose]. URL: www.Fulib.ru. (In Komi-Permian).

2. Batalov R. M. Komi-permyackaya dialektologiya Komi-permyackaya dialektologiya [Komi-Permian dialectology]. Moscow: Nauka, 1975. 253 p. (In Russian).
3. Gulyaev E. S. Proiskhozhdenie padezhej s ehlementom s' v komi yazyke [The origin of the cases with an element *сь* in the Komi language]. // Istoriko-filologicheskij sbornik [Historical-philological collection]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo [Komi Book Publ.], 1960. Issue. 5. P. 131-160. (In Russian).
4. Kondratyeva N.V. Formirovanie padezhnoj sistemy v udmurtskom yazyke [The formation of the case system in the Udmurt language]. Izhevsk: izd-vo «Udmurtskij un-t» ["Udmurt Univ." Publ.], 2011. 154 p. (In Russian).
5. Mozhaev S. Komiön gizhöm [Prose in the Komi language]. URL: www.Fulib.ru. (In Komi-Permian).
6. Nekrasova G.A. Vezhlög perym kyv"yasyn: pertas, vezhörtas, artmannog. Velödchan nebög [The case in the Permian languages: form, semantics, origin. Textbook]. Syktyvkar: Syktyvkar State Univ., 2004. 118 p. (In Komi-Zyryan).
7. Nekrasova G.A. Osnovnye linii razvitiya semanticheskoy struktury padezhej v permskih yazykah [The main lines of development of the semantic structure of cases in the Permian languages] // Istorija, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya yazykov i kul'tur finno-ugorskih yazykov. Materialy III Vserossijskoj nauchnoj konferencii finno-ugrovedov [History, modern condition, prospects of development of languages and cultures of the Finno-Ugric languages. Proc. of the III all-Russian sci. conf.of Finno-Ugrians]. Syktyvkar, 2005. P. 157-160. (In Russian).
8. Nekrasova G. A. Sredstva vyrazheniya instrumenta v finno-ugorskih yazykah [Means of expression of the instrument in the Finno-Ugric languages] // Izvestiya Komi nauchnogo centra UrO RAN [Proc. of the Komi Sci. Centre, Ural Branch, RAS], 2011. No. 4 (8). P. 85-88. (In Russian).
9. Nekrasova G. A., Sergeeva E. N. Variativnost' argumentnoj struktury dvuhmestnyh predikatov v komi-permyackom yazyke [Variability of double predicates argument structure in Komi-Permiak] // Asta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij [Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the institute for linguistic studies]. Vol. X, part 1. St. Petersburg: Nauka, 2014. P. 810-820. (In Russian).
10. Osnovy finno-ugorskogo yazykoznanija. Marijskij, permskie i ugorskie yazyki / Red. kol.: V.I. Lytkin, K.E. Majtinskaya, K. Redei, Ya. Guya, A.P. Feoktistov, G.I. Ermushkin [The foundations of the Finno-Ugric linguistics. The Mari, Permian and Ugric languages / Eds.: V. I. Lytkin, K.E. Mitinskaya, K.Redei, Ya. Hue, A.P. Feoktistov, G. I. Ermoshkin]. Moscow: Nauka, 1976. 464 p. (In Russian).
11. Parmalön shyehz. Proza na komi-permyackom yazyke [Voices of Parma. Prose in the Komi-Permian language]. Kudymkar: Komi-Permyackoe kn. izd-vo [Komi-Permian Book Publ.], 1997 / Sost. T.P. Fadeev, L.P. Rategova [Compiled by T.P. Fadeev, L.P. Rategova]. 456 p. (In Komi-Permian).
12. Perem komi otirlön vis'tas'öm [Komi-Permian folklore]. URL: <http://www.Fulib.ru> (In Komi-Permian).
13. Fadeev T. Ybshar: roman [Lark: novel. Kudymkar]: Komi-Permyackoe kn. izd-vo [Komi-Permian Book Publ.], 1989. 350 p. (In Komi-Permian).
14. Fedoseev S. Kusöm biehzh [Lights going out. Kudymkar]: Komi-Permyackoe kn. izd-vo [Komi-Permian Book Publ.], 1991. 304 p. (In Komi-Permian).
15. Fedoseev S. [S'öd cvettez] Black colors. Kudymkar: Komi-Permyackoe kn. izd-vo [Komi-Permian Book Publ.], 1994. 328 p. (In Komi-Permian).
16. Shchapov P.V. Vtoraya kniga dlya chteniya i prakticheskikh uprazhnenij na permyackom yazyke [2-nd book for reading and practical exercises in the Permian language]. Kazan: Central'naya tipografiya [Central typography], 1909. 78 p. (In Komi-Permian).
17. Aminoff T.G. Votjakin ääne - ja muoto-opin luonnos // JSFOu 2 (XIV). Helsinki, 1896. P. 1-48. (In Finnish).
18. Bartens R. Permilaisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki: Suomalais - ugrilainen seura, 2000. 372 p. (In Finnish).
19. Budenz J. Az ugor nyelvek összehasonlító alaktana. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1884-1894. 381 p. (In Hungarian).
20. Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akademiai Kiadó Publ. 2005, 410 P. (In German).
21. Rédei K. Geschichte der permischen Sprachen // The Uralic languages: Description, history and foreign influence / Ed. Denis Sinor. Leiden / New York. Kobenhavn. Köln. 1988. P. 351-394. (In German).
22. Vászolyi E. Az urali N' latívuszrag nyomai v zürjén és a votják nyelvben // NyK 70. Budapest, 1968. P. 374-382. (In Hungarian).

Поступила в редакцию 11.01.2018

Nekrasova G.A., Candidate of Philology, Leading Scientist, Associate Professor
Institute of Language, Literature and History, Komi Science Centre of Ural Branch of the Russian Academy of Science
Kommunisticheskaya st., 26, Syktyvkar, Russia, 167982
E-mail: komilang@gmail.com